

УДК 902

DOI: 10.14258/nreur(2020)4–02

П. К. Дашковский*Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)*

КОЧЕВЫЕ НАРОДЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В.¹

Статья посвящена рассмотрению основных тенденций изучения кочевых народов Центральной Азии преимущественно эпохи раннего Средневековья в отечественной исторической науке во второй половине XIX — начале XX в. В рассматриваемый период значительная работа была проделана по переводу на русский язык различных персидских, китайских, арабских и византийских источников, которые касались истории Центрально-Азиатского региона. Благодаря целенаправленным исследованиям в Монголии, на Алтае, в Туве, Хакасии были обнаружены десятки новых памятников рунической письменности, а также выявлены сотни погребальных и мемориальных объектов кочевников. Более того, во второй половине XIX в. впервые удалось произвести дешифровку тюркской руники, что открыло принципиально новую страницу в истории отечественного и мирового кочевниковедения. В результате накопления широкой источниковой базы с опорой на письменные, археологические и этнографические данные ученым удалось рассмотреть протекание культурно-исторических процессов в Центральной Азии в эпоху Средневековья, а также реконструировать особенности социально-политической организации и мировоззрения уйгуров, кыргызов, тюрков, киданей и других кочевых народов. Наибольший вклад в изучение истории кочевых народов Центрально-Азиатского региона внесли Н. Я. Бичурин, В. В. Радлов, П. М. Мелиоранский, Н. Ф. Катанов, Г. Н. Потанин, Д. М. Позднеев, М. Н. Суворовцев, В. В. Бартольд, работы которых не потеряли свою значимость и до настоящего времени.

Ключевые слова: историческая наука, кочевники, Центральная Азия, социальные отношения, верования, тюркские письменные источники, Средневековье.

¹ Работа подготовлена в рамках государственного задания Алтайского государственного университета, проект № 748715Ф.99.1. Б597АА00002 «Тюрко-монгольский мир «Большого Алтая»: единство и многообразие в истории и современности».

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

THE NOMADIC NATIONS OF CENTRAL ASIA OF THE MIDDLE AGES IN HISTORICAL RESEARCH OF RUSSIAN SCIENTISTS OF THE SECOND HALF OF XIX — EARLY XX CENTURY

The article is devoted to the main trends in the study of nomadic peoples of Central Asia mostly in the early middle ages in the Russian historical science in the second half of XIX — early XX centuries. In the period under review, considerable work has been done on translation into Russian language of various Persian, Chinese, Arab and Byzantine sources concerning the history of the Central Asian region. Through focused research in Mongolia, in the Altai, Tuva, Khakassia was discovered dozens of new monuments of runic writing and also identified hundreds of funeral and memorial sites of nomads. Moreover, in the second half of the XIX century for the first time was able to make a decipherment of the Turkic runes that opened up a fundamentally new page in the history of national and world nomad studies. The result of the accumulation of a wide source base, drawing on written, archaeological and ethnographic data, scientists were able to consider cultural-historical processes in Central Asia in the middle ages, and to reconstruct the features of the socio-political organization and Outlook of the Uighurs, Kyrgyz, Turks and other nomadic. The greatest contribution to the study of the history of the nomadic peoples of the Central Asian region has made a N. I. Bichurin, V. V. Radlov, P. M. Melioransky, N. F. Katanov, N. Potanin, D. M. Pozdneev, M. N. Suvorov, V. V. Bartold, whose works have not lost their importance up to the present time.

Key words: historical science, nomads, Central Asia, social relations, beliefs, Turkic written sources, middle ages

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиозно-ведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, doctor of historical sciences, professor, head of the Department of regional Studies of Russia, national and state-confessional relations, head of the laboratory of ethnocultural and religious studies of the Altai state university, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru.

Введение

В отечественной исторической науке внимание к истории кочевых народов Центральной Азии стало проявляться достаточно рано. Это было обусловлено двумя основными факторами. Во-первых, непосредственно научным интересом исследователей к данному региону. Неслучайно зарождение научных исследований по исто-

рии номадов в Центральной Азии и прилегающих регионов связано еще с академическими экспедициями XVIII в. Во-вторых, Россия преследовала свои внешнеполитические интересы в Центральной Азии, для реализации которых необходимо было иметь целостное представление о данной территории. В этой связи вполне понятно, что среди первых исследователей были не только профессиональные историки, географы, но и военнотружущие, в том числе Ч. Ч. Валиханов, Н. М. Пржевальский, Е. П. Ковалев и др. Кроме того, изучение истории и культуры кочевых народов напрямую было связано с историей народов Российской империи. Существенное расширение границ Российского государства на протяжении XVIII–XIX вв. привело к тому, что в его составе оказались многие народы, в том числе тюркоязычные. Это закономерно ставило вопрос о необходимости их изучения, что постепенно привело к возрастанию, особенно со второй половины XIX в., этнографических и исторических исследований. Однако подлинно научный интерес к изучению кочевых народов Центральной Азии стал формироваться в XIX в., особенно во второй половине столетия.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили работы ученых по истории раннесредневековых кочевников Центральной Азии, опубликованные во второй половине XIX — начале XX в. (П. М. Мелиоранский, Н. Катанов, Н. Я. Бичурин, М. Д. Храповицкий, В. В. Бартольд, В. В. Радлов и др.). В данной статье акцент специально сделан на опубликованных работах, наиболее целостно характеризующих состояние научных исследований по данной теме. В рамках сравнительно-исторического подхода рассматривались отдельные аспекты историографических исследований, представленные в обобщающих работах по тюркологии С. Г. Кляшторного, А. М. Щербака, С. В. Малова и др. В методологическом отношении наше исследование основывается на принципах историзма, которые предполагают изучение каждого явления в исторической динамике. В рамках историографического исследования принцип историзма направлен на установление закономерностей этапов научного познания. Каждый из этапов научного познания конкретной темы, в том числе истории кочевых народов Центральной Азии, имеет свои особенности формирования научных идей, гипотез, концепций. При этом данный процесс обусловлен, с одной стороны, объективными факторами: накопление источников, уровень развития методологии и методики исследования, общая ситуация в науке, влияние государственной идеологии. С другой стороны, на процесс исторического познания неизменно оказывает влияние и личность самого историка. Именно с учетом обозначенных процессов и рассматривается историографическая ситуация, сложившаяся в отечественной науке в отношении изучения кочевых тюркоязычных народов Центрально-Азиатского региона.

Обсуждение

Историография изучения кочевых народов Центральной Азии эпохи раннего Средневековья отчасти затрагивалась в творчестве С. В. Малова, С. Г. Кляшторного, А. М. Щербака, И. В. Кормушина, Л. Р. Кызласова и некоторых других ученых. При этом С. Г. Кляшторный [2003], А. М. Щербак [2001] излагали преимущественно историю открытия и изучения памятников рунической письменности в Центральной Азии. Тюркологи обратили внимание на формирование различных подходов к дешифровке руниче-

ских текстов. С. Г. Кляшторный [2003] и И. В. Кормушин [1997] подчеркивали важность поэтапного накопления и изучения памятников рунической письменности В. В. Радловым, П. М. Мелиоранским, В. В. Бартольдом, а также указывали на значимость перевода китайских хроник, который сделал Н. Я. Бичурин. При этом концепции отечественных ученых второй половины XIX — начала XX в. относительно особенностей социально-политического и религиозного развития тюркоязычных кочевников Центральной Азии фактически не рассматривались в отечественной историографии.

Результаты

Открытие, перевод и публикация в XIX в. китайских, тюркских, уйгурских, персидских, арабских, византийских и других источников существенно расширили представления ученых о происхождении тюркоязычных народов, путях их исторического развития и дали импульс для последующих исследований востоковедами и этнографами кочевых народов Центральной Азии. Одним из первых к истории номадов обратился Н. Я. Бичурин (архимандрит Иакинф), который впервые сделал переводы китайских хроник о народах Центральной Азии. Материалы о раннесредневековых номадах были взяты из династических хроник Вэй, Суй, Тан и др. Среди трудов Н. Я. Бичурина особое значение имеет несколько раз переизданная работа под названием «История о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», впервые опубликованная в 1851 г. [Бичурин, 1950а; 1950б]. Именно колоссальная работа по переводу на русский язык китайских хроник позволила во многом обратить внимание ученых, как в России, так и за рубежом, на историю номадов Центрально-Азиатского региона. В то же время нужно отметить, что в XX в. некоторые ученые будут указывать на то, что Н. Я. Бичурин не всегда критично подходил к историческим источникам [Таскин, 1968: 3–23; Думан, 1977]. Однако следует заметить, что именно деятельность Н. Я. Бичурина позволила дать научной общественности первое целостное представление по истории юэчжей, хунну, сяньби, жуэчаней, тюрков, уйгуров, кыргызов и многих других народов обширного Центрально-Азиатского региона.

Очень важный источниковый фонд при изучении истории номадов составляют тюркские, уйгурские, кыргызские и другие надписи. На протяжении XVIII и XIX вв. происходило планомерное накопление памятников тюркской рунической письменности. Только к концу XIX столетия удалось сформировать и опубликовать серьезный корпус тюркских памятников письменности, на что уже в своих работах обратили внимание И. В. Кормушин [1997: 15–18] и А. М. Щербак [2001: 3]. В конечном итоге датскому профессору В. Томсену к концу 1883 г. удалось дешифровать тюркские тексты. Открытие В. Томсена дало возможность В. В. Радлову в течение двух месяцев прочесть текст, посвященный Кюль-Тегину, и представить Академии наук свой опыт его перевода [Кляшторный, 2003: 20]. В 1894–1895 гг. В. В. Радлов опубликовал все известные тюркские тексты, их прочтение и переводы в издании «Древнетюркские надписи Монголии» [Щербак, 2001: с. 3].

Конечно, большое значение имели и публикации письменных источников зарубежными исследователями, среди них «Исторические документы о тюрках» С. Жюльена, свод китайских сведений о Восточном Туркестане, а также материалы о западных тюрках, уйгурские надписи Э. Шаванна, исследования В. Томсена, П. Пеллио, Ф.-В. Мюллера, В. Банга, А. фон Лекока, Г. И. Рамстедта и др. [Думан, 1977: 214–216].

С развитием российской науки в XIX в. достаточно масштабно развернулись этнографические исследования в Сибири и Центральной Азии. Огромный вклад в знакомство научной общественности с различными сторонами жизни центральноазиатских кочевников внесли П. П. Семенов-Тянь-Шанский, М. М. Хоментовский, Н. М. Пржевальский, Ч. Ч. Валиханов и многие другие. Это породило интерес к историческому прошлому народов Азии. Среди ученых второй половины XIX — начала XX в., осуществлявших историко-этнографические изыскания в интересующем нас регионе, особенно следует выделить В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева, П. М. Мелиоранского, М. В. Певцова, В. И. Роборовского, В. В. Бартольда, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Н. Ф. Катанова, Г. Н. Потанина, Н. Н. Пантусова, Д. М. Позднеева, Д. А. Клеменца, С. Е. Малова и др.

Важно отметить, что со второй половины XIX столетия в мировой науке получает распространение концепция эволюционного развития человечества, в том числе в социальном и религиозном аспектах. В данном случае важно обратить внимание на то, что широкое распространение в отечественной науке получили труды зарубежных антропологов, этнографов и религиоведов Р. Смит, Дж. Фрэзера, Э. Тайлора, Л. Леви-Брюля и других ученых. Важно также отметить, что отечественная этнология достаточно успешно обозначила возможность экстраполяции этнографических материалов при изучении социальных и религиозных процессов, протекавших в более ранний период, в том числе в Средневековье. В данном случае интересно отметить концепции Д. Н. Анучина, Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораза, которые успешно применяли историко-этнографический и этно-археологический подходы. Последний из указанных подходов успешно реализовывался Д. А. Анучиным в сочетании со сравнительно-религиоведческим [Алымов, 2004; 37]. В целом, отмеченные теоретические принципы этнологии относительно социальных и религиозных явлений служили важной основой для научных разработок в области кочевниковедения во второй половине XIX — начале XX в. Кроме того, в отношении номадов Центрально-Азиатского региона была удачная возможность ретроспективно рассматривать социальные и религиозные процессы у тюркоязычных народов. Показательным в этом отношении является научное наследие Н. Ф. Катанова [1895: 110–111]. Довольно подробно исследователь представил сведения о погребальных обрядах гуннов, тюрок, уйгуров и некоторых других кочевых народов Центральной Азии. При этом он исследовал интересные этнографические источники по тюркоязычным этносам Саяно-Алтая и тем самым показал важные результаты ретроспективного историко-этнографического анализа погребального обряда. Более того, ученый отметил, что у тюркских народов XIX в. в большинстве случаев не сохранились древние шаманские ритуалы, а если и сохранились, то в значительно измененном виде [Катанов, 1895: 112–141]. О шаманском мировоззрении тюркоязычных народов, в частности уйгуров, также писал Д. М. Позднеев [1899: 127], который на основе китайских источников указывал на то, что последние переняли религиозные верования от гаогюйцев. В русле историко-этнографических исследований по истории тюркских народов в конце XIX в. также работали П. А. Поляков, Н. И. Заседателев. В частности, П. А. Поляков [1895] обратил внимание на распространение ислама среди тюркоязычных народов Азии. Н. И. Заседателев достаточно подробно проанализировал особенности коронавания тюркских правителей. Исследователь отметил, что обычай

«поднятия в ханы» сложился у тюрок в V–VII вв. н. э. и продолжал существовать у других народов Азии вплоть до этнографической современности [Заседателев, 1895: 374].

В последние десятилетия XIX столетия стали выходить первые научные публикации, полностью посвященные народам Центральной Азии. Перу Д. М. Позднеева, например, принадлежал «Исторический очерк уйгуров (по китайским источникам)» [Позднеев, 1899]. С 1884 г. В. В. Радлов начал интенсивно заниматься древнетюркскими письменными источниками. Он издал ценнейший памятник XI в. — «Кутадгу билиг», свод рунических надписей Монголии, перевел и опубликовал уйгурские документы из Восточного Туркестана [Восточный Туркестан..., 1988: 70]. В 1893 г. В. В. Радлов опубликовал дневники своих путешествий по Сибири, Монголии и Средней Азии. В них он, в частности, довольно подробно рассказал о знакомстве с языком, этнографией и историей различных тюркских народов (карагасов, абаканских, чолымских, североалтайских и собственно алтайских, барабинских, иртышских и тобольских «татар», оседлых тюркских племен Средней Азии, «татар» Западной Монголии), об исследованиях хозяйственной, социальной, политической и духовной жизни кочевников [Радлов, 1989].

Наряду с историко-этнографическими изысканиями в последней четверти XIX — начале XX в. развернулись исследования средневековых археологических памятников в Монголии, Минусинской котловине, Туве (Урянхайском крае), Горном Алтае, которые проводили А. В. Адрианов, Д. А. Клеменц, И. Р. Аспелин, С. М. Чугунов, Н. М. Ядринцев, И. Т. Савенков, И. П. Кузнецов, В. В. Радлов, П. К. Козлов и др. В частности, В. В. Радловым были раскопаны средневековые погребения на Алтае и в Хакасии [1989: 431–434, 452, 460–473], а А. В. Адриановым — в Туве [2008]. Раскопки охватили раннесредневековые памятники и в среднеазиатской части Российской империи. В Средней Азии осуществляли разведочные работы и вели раскопки Н. И. Веселовский, И. П. Остроумов, Н. Н. Пантусов, В. В. Бартольд и др. Наиболее обстоятельными были раскопки Афрасиаба близ Самарканда, которыми руководил в 1885, 1895, 1898 гг. Н. И. Веселовский, в 1904–1905 гг. — В. В. Бартольд. В 1893–1894 гг. В. В. Бартольд и участники его экспедиции С. М. Дудин и Е. П. Ковалев провели разведку древних и средневековых памятников в долинах рек Чу, Или, Талас, а также обследовали побережье Иссык-Куля [Длужневская, 2005: 67–74], что существенно расширило представления ученых об истории кочевых народов.

Не менее интересные изыскания проводились в Восточном Туркестане. Под эгидой Русского географического общества разведочные обследования и раскопки здесь осуществили М. В. Певцов, В. И. Роборовский, П. К. Козлов, Д. А. Клеменц. В. И. Роборовский, к примеру, произвел в Восточном Туркестане подробное описание древних уйгурских городов, а Д. А. Клеменц собрал наиболее обширную коллекцию уйгурских рукописей. В начале XX в. Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии в Восточный Туркестан были направлены несколько российских академических экспедиций под руководством М. М. Березовского, С. Ф. Ольденбурга, С. Е. Малова [Восточный Туркестан..., 1988: 20–22, 26–28, 32]. Их результатом стали не только масштабные по меркам того времени исследования городов и поселений в регионе, но и сбор лингвистической, исторической и этнографической информации.

Следует отметить, что активный процесс накопления письменных и археологических данных во второй половине XIX в. позволил ученым делать первые научно обоснованные

ванные выводы по этнокультурной и этнополитической истории региона. В данном случае можно указать на одну из немногих работ Д. М. Позднеева [1899] по данной проблематике, которую он подготовил по истории уйгуров, опираясь на китайские источники. В. В. Радлов [1989] кратко коснулся в социально-политическом аспекте истории уйгуров и уйгурских ханов. В этот период еще практически не выработались концептуальные оценки по социально-политической организации средневековых кочевников. В большей степени есть основания говорить об оценках ученых в отношении народов этнографической современности, которые они отчасти накладывали на предшествующие эпохи, в том числе Средневековье. Например, В. В. Радлов высказал сомнение, что киргизы не могли создать свое государство, так как не было общего интереса. Более того, ханская власть у киргизов была слабой и не могла защитить соплеменников от нападений других народов. По мнению тюрколога, могущество кочевых племен проявляется, если они сгруппированы вокруг правителя для решения военных проблем. Наиболее удачно этот опыт, как считал ученый, просматривается в империи Чингисхана [Радлов, 1989: 249–250].

Важно подчеркнуть, что В. В. Радлов верно подметил отличия в восприятии многих явлений и понятий у земледельцев и кочевников, в частности, в отношении собственности, системы управления и общества в целом. Затрагивая социальную организацию номадов, В. В. Радлов предложил выделить несколько социальных страт: орда, племя, подплемя, семья. Примечательно, что исследователь верно уловил особенности ханской власти в средневековых кочевых обществах. По его мнению, власть правителя кочевников во многом зависела от того, насколько успешно он заботился о своих подданных, которые в противном случае могли откочевать от своего хана или убить его [Крадин, 1992: 17].

Таким образом, В. В. Радлов одним из первых среди специалистов по Центральной Азии попытался уловить особенности социогенеза кочевников данного региона. При этом, несмотря на то, что его выводы носили самый общий характер и базировались на ограниченной источниковой базе, они достаточно хорошо перекликаются с концепциями современных кочевниковедов Н. Н. Крадина, С. А. Васютина, Г. Г. Пикова, разрабатывающих социально-политическую проблематику.

В становлении отечественного кочевниковедения видную роль в XIX в. сыграли М. Д. Храповицкий и М. Н. Суворцев, которые значительное внимание, как и Н. Я. Бичурин, уделяли китайским памятникам письменности. Среди центральноазиатских народов в центре внимания ученых прежде всего оказались кидани [Храповицкий, 2007; Суворцев, 2007]. Труды ученых по указанной теме впервые были изданы совсем недавно — в начале XXI в. Работы востоковедов такого высокого уровня, вне всякого сомнения, представляют интерес для изучения процесса становления отечественного востоковедения и номадологии. Особую значимость в рамках рассматриваемой проблематики имеет работа М. Н. Суворцева «О владычестве киданей в Средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания им династии Ляо до падения сей последней на Западе», за которую он получил в 1872 г. ученую степень кандидата [Пиков, 2007]. Сама работа М. Н. Суворцева была опубликована только в 2007 г., в которой автор на основе анализа китайских хроник изложил историю киданей, в том числе в социальном и религиозном аспектах [Суворцев, 2007: 238–241, 292–297].

По мнению востоковеда, основу мировоззрения киданий составлял шаманизм, хотя близость к Китаю позволила им познакомиться и с другими религиозными системами — буддизмом, даосизмом, конфуцианством. Причем именно через киданей, по мнению ориенталиста, население Северного Китая познакомилось с исламом, к которому он попал раньше, чем в Поднебесную. При этом ученый подметил, что несмотря на знакомство с другими религиями, вытеснить шаманизм, который оставался основой мировоззрения значительной части населения государства, так и не удалось. Более того, религиозная разобщенность киданей была одним из факторов гибели их государства. При этом востоковед подчеркивал, что религия для Востока не играла той роли, какая ей выпала на Западе. Это связано, по его мнению, с тем, что восточная государственность держится единством закона, крови, верховной власти, в то время как западные политические образования во многом базируются на религии [Суровцев, 2007: 295–297]. Спорность таких оценок ориенталиста вполне очевидна, на что уже обращалось внимание исследователями [Пиков, 2007: 191]. В то же время изучение М. Н. Суворовцевым в начале 70-х гг. XIX в. религиозных процессов у центральноазиатских народов можно рассматривать как развитие нового мировоззренческого направления в нomaдологии, которое получит дальнейшее развитие в советской и российской исторической науке.

Следует отметить, что в процессе накопления различных источников по истории Центральной Азии участвовали не только ученые и путешественники, но и служащие военных и дипломатических учреждений, которые работали в данном регионе. В свободное время они увлекались историей региона, занимались коллекционированием предметов старины. В данном случае особо стоит отметить процесс формирования коллекции древнетюркских письменных источников, которые были собраны в Восточном Туркестане. В настоящее время эта коллекция находится в Институте восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге. Значительное количество тюркских рукописей было передано в начале XX в. в Азиатский музей российскими должностными лицами, служившими в Восточном Туркестане [Кляшторный, 2006: 193–194]. Именно в этом регионе было найдено наибольшее количество тюркских рукописей религиозного характера, которые представляют ценнейшую информацию по истории распространения в этом регионе буддизма, манихейства и христианства.

Кроме российской коллекции восточно-туркестанских тюркских рукописей, в это же время формировалась и аналогичная коллекция в Берлине. При этом огромную роль в сложении берлинской коллекции сыграла экспедиция А. Грюнведела и А. Ле Кока в Турфанский оазис. В данном случае следует отметить, что уже А. Ле Кок обратил внимание на важность собранных источников, особенно для изучения распространения манихейства в Центральной Азии, в том числе в Уйгурском каганате. Он пришел к выводу, что манихейство получило распространение у уйгуров под влиянием Китая, который с помощью нового религиозного мировоззрения хотел ослабить военную активность кочевников [Борисенко, Худяков, 2005: 122–123]. Две указанные коллекции на протяжении многих десятилетий послужат хорошей основой для изучения этноконфессиональных процессов, протекавших в Центрально-Азиатском регионе в период существования тюркоязычных государств.

В конце XIX в. на основе анализа тюркских рунических текстов достаточно развернутую характеристику религиозной жизни кочевников представил в одной из своих работ П. М. Мелиоранский. Опираясь как на свои материалы, так и на результаты исследований в области тюркологии В. В. Радлова, В. Томсона и других специалистов, ученый отметил, что тюрки Монголии были шаманистами, у которых существовали определенные представления о богах. Высшим божеством являлся «Тенгри» («Небо»), который давал власть кагану. При этом тюрколог одним из первых указал на существование особой социальной группы у номадов — шаманов (камов), сведения о которых есть в китайских источниках, но отсутствуют в памятниках рунической письменности [Мелиоранский, 1898: 265–266]. Востоковед обратил внимание на существование представлений о загробном мире, который располагался на небе. Сопоставив письменные источники, П. М. Мелиоранский охарактеризовал также особенности погребального ритуала каганов, важной особенностью которого являлась сезонность самого погребения умерших, преимущественно в весенний или осенний периоды. Последующие научные исследования показали, что традиция погребения в определенное время года характерна для погребально-поминальной обрядности кочевников Центральной Азии разных периодов начиная со скифского времени. Существенным представляется заключение ученого и о том, что при сооружении мемориальных комплексов тюркской элиты участвовали китайские мастера, а это накладывало определенный отпечаток и на воззрение номадов [Мелиоранский, 1898: 268–269].

Более обстоятельно восстановить картину развития тюркских народов Центральной Азии на основе анализа китайских, арабских, византийских и персидских источников удалось выдающемуся востоковеду — академику В. В. Бартольду [2002]. История тюркских народов Азии являлась одним из основных направлений научных изысканий ученого, особенно в периоды с 1892 по 1899 г. и с 1925 по 1930 г. Если в первый период востоковед занимается главным образом историографическими и методическими вопросами развития тюркологии, которые оказались актуальными после дешифровки рунических надписей Монголии, то в 20-е гг. XX в. ситуация меняется. С этого времени В. В. Бартольд рассматривал во всей полноте историю тюркских и монгольских народов обширного региона эпохи Средневековья. Следует отметить, что обращение востоковеда к истории кочевых народов Центрально-Азиатского региона связано не только с научными интересами. Дело в том, что серьезные политические потрясения 1917 г. способствовали активизации националистических движений на окраинах Российской империи, поэтому изучение истории и культуры народов Центральной и Средней Азии имело и серьезное практическое значение, связанное с получением достоверных знаний этнокультурного характера для формирования соответствующего информационного фона. В этом серьезно было заинтересовано и само государство. В этой связи В. В. Бартольд принял самое активное участие не только в исследовательской, но и организаторской работе, направленной на подготовку научных кадров непосредственно в Средней Азии. Это выразилось прежде всего в создании кафедры истории Востока в Туркестанском университете в Ташкенте, куда востоковед прибыл в 1920 г. [Кляшторный, 2002: 6–7].

Научное наследие В. В. Бартольда обстоятельно рассмотрено в отечественной историографии. В этой связи коснемся только нескольких сюжетов, связанных с изучением

В. В. Бартольдом верований и социальной организации тюркоязычных кочевых народов Центральной Азии, которые не были концептуально рассмотрены историографами. Наибольшее внимание указанной проблематике тюрколог уделил в работе под названием «Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии». В основу работы были положены лекции, которые прочитаны им в 1926 г. в Стамбульском университете и впервые опубликованы год спустя на турецком языке [Бартольд, 2002: 19–192]. Ученый отмечал, что для понимания «психологии народа» особое внимание нужно уделять его религии. Идея рассмотрения истории народов с учетом его психологии сложилась у ученого еще в дореволюционный период, возможно, под влиянием работ В. Вунда, М. Лацауса и других специалистов по этнической психологии, которая стала активно развиваться в конце XIX — начале XX в. как за рубежом, так и в России. Опираясь преимущественно на письменные источники, В. В. Бартольд, как П. М. Мелиоранский, считал шаманизм во главе с богом Тенгри основой мировоззрения тюркских племен [Бартольд, 2002: 26–27].

В то же время востоковед указал на то, что в самих орхонских рунических надписях нигде не употребляется термин «шаман» (кам), что объясняется, по его мнению, незначительным влиянием таких лиц на жизнь воинов-кочевников [Бартольд, 2002: 472]. Существенным представляется указание ученого на то, что кочевники уже в эпоху Средневековья, несмотря на шаманское мировоззрение, имели возможность благодаря функционированию Великого шелкового пути познакомиться с прозелитарными религиями — буддизмом, манихейством, христианством, исламом. Именно по Шелковому пути наряду с товарами шло распространение и новых мировоззренческих идей. В то же время востоковед справедливо подчеркнул, что, несмотря на интерес к различным религиям со стороны военно-политической верхушки кочевых обществ, тем не менее, в эпоху раннего Средневековья ни одна из конфессий не смогла потеснить шаманское мировосприятие кочевников и занять доминирующее место [Бартольд, 2002: 431].

Религиозная ситуация, сложившаяся в тюркских каганатах, объяснялась ученым тем, что традиционной шаманской религии и воинственному духу кочевников были чужды глубокие этические доктрины «развитых» религий, предполагавших идею воздаяния за грехи, особенно за убийство людей. Только в Уйгурском каганате манихейству удалось занять позицию государственной религии. Однако отношение к манихейству среди уйгуров было, по мнению ученого, не совсем однозначным, поскольку доктрины новой религии далеко не всегда совпадали с традиционным шаманским мировоззрением. В то же время В. В. Бартольд справедливо отметил, что уйгуры очень умело использовали религиозный фактор в своей внешней политике, оказывая поддержку, в том числе военную, манихеям в Китае. Только поражение уйгуров от кыргызов позволило Китаю более свободно вести религиозную политику в отношении иноверцев, включая преследование манихеев.

Заслуживает внимания и другой вывод В. В. Бартольда, который касается взаимосвязи манихейства и буддизма в Средней Азии. Обнаружение памятников религиозной мысли на персидском, китайском, согдийском и тюркском языках позволяет более глубоко понять особенности миссионерской деятельности в этом регионе. Достаточно показательна в этом отношении так называемая покаянная молитва Хуастуанифт,

демонстрирующая взаимовлияние манихейства и буддизма [Бартольд, 2002: 52–57]. В последующий период этот и другие памятники религиозной мысли тюркских племен будут неоднократно исследованы, что позволит тюркологам отмечать элементы взаимовлияния двух религий [Кляшторный, 2006; Малов, 1951: 108–129]. Более того, анализ торевтики кочевников Саяно-Алтая эпохи Средневековья породит дискуссию среди исследователей относительно того, иконографические мотивы какой конфессии (буддизма или манихейства) просматриваются в предметах снаряжения лошади и поясной гарнитуры [Леонтьев, 1988; Король, 2007]. К этому следует добавить и результаты изучения изображений «служителей культа» на скалах в Хакасии. Впервые такие изображения были открыты И. Р. Аспелиным, который работал 1880-е гг. в Междуречье Черного и Белого Июсов в Хакасии [Alt-Altäische Kunstdenkmaeler..., 1931: fig. 96–98]. В последующий период были открыты еще аналогичные изображения, в которых одни исследователи видят влияние буддийско-манихейского пласта [Рыбаков, 2015; 2017], а другие — несторианства [Никитин, 1984: 128]. Все эти данные подтверждают предположение В. В. Бартольда о сложности, даже синкретичности, мировоззрения тюркских народов.

Следует подчеркнуть, что в открытии и изучении народов Центральной Азии, в том числе в рассматриваемый период, значительное место занимала Петербургская школа востоковедения и восточной археологии. Данная школа в значительной степени опиралась на традиции, заложенные В. В. Бартольдом. Одной из особенностей научного изучения темы в рамках данной школы было целостное рассмотрение проблемного поля с привлечением широкого круга исторических источников [Масон, 2006: 6–7]. Именно в таком направлении продолжили работать известные кочевниковеды и тюркологи советского и постсоветского периодов С. Г. Кляшторный, Д. Г. Савинов, Т. И. Султанов и другие ученые.

Выводы

Таким образом, период второй половины XIX — начала XX в. ознаменован формированием в отечественной исторической науке отдельного направления, связанного с изучением социально-политической и религиозной истории кочевых народов Центральной Азии, особенно говорящих на тюркских языках. В этот период благодаря Н. Ф. Бичурину, М. Д. Храповицкому, М. Н. Суворцеву, В. В. Бартольду и другим ученым было переведено на русский язык значительное количество китайских, арабских, персидских и византийских письменных источников. В результате проделанной колоссальной источниковедческой работы удалось получить значительное количество сведений по социально-политической, этнокультурной и религиозной истории уйгуров, киданей, тюрков, кыргызов и других кочевых обществ региона. Экспедиционные исследования на Алтае, в Монголии, Туве, Хакасии позволили открыть десятки новых памятников рунической письменности, а также выявить сотни погребальных и мемориальных объектов номадов. Более того, во второй половине XIX в. впервые удалось произвести дешифровку тюркской руники, что открыло принципиально новую страницу в истории отечественного и мирового кочевниковедения. Благодаря научным исследованиям В. В. Радлова, П. М. Мелиоранского тюркских рунических текстов впервые удалось представить целостную концепцию этнокультурного и религиозного развития тюрко-

язычных народов Центральной Азии эпохи Средневековья, которая в последующие годы хотя и дополнялась новыми материалами, но основа ее оставалась неизменной. Наконец, важные находки уйгурских письменных текстов, сделанные в Восточном Туркестане, дали возможность в начале XX в. воссоздать процесс распространения в Центрально-Азиатском регионе прозелитарных религий — буддизма, манихейства и несторианства, а также реконструировать особенности социально-политической организации тюркоязычных номадов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адрианов А. В. Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск : Изд-во ТГУ, 2008. 146 с.

Алымов С. С. Дмитрий Николаевич Анучин: «естественная история человека в обширном смысле этого слова» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М. : Наука, 2004. С. 7–48.

Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Восточная литература, 2002. 757 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Наука, 1950а. Т. I. 381 с.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М. ; Л. : Наука, 1950б. Т. II. 332 с.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Манихейство в Восточном Туркестане в эпоху раннего Средневековья (по материалам исследований А. фон Ле Кока) // Сибирь на перекрестке мировых религий. Новосибирск : Изд-во НГУ, 2005. С. 120–124.

Васютин С. А., Дашковский П. К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные концепции). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.

Восточный Туркестан в древности и раннем Средневековье: Очерки истории. М. : Наука, 1988. 453 с.

Длужневская Г. В. Древности восточной части Евразии в материалах научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб. : ИИМК, 2005. 140 с.

Думан Л. И. О труде Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» // Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение (к 200-летию со дня рождения). М. : Наука, 1977. Ч. II. С. 3–23.

Заседателев Н. И. Древний обычай коронавания у тюркских народов // Известия ОАИЭ при императорском Казанском университете. Казань, 1895. Т. XII, вып. 4. С. 374–380.

Катанов Н. О погребальных обрядах у тюркских племен с древнейших времен до наших дней // Известия ОАИЭ при императорском Казанском университете. Казань, 1895. Т. XII, вып. 2. С. 109–142.

Кляшторный С. Г. Предисловие // Бартольд В. В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Наука, 2002. С. 5–18.

Кляшторный С. Г. История Центральной Азии и памятники рунического письма. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2003. 560 с.

Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. 591 с.

Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии: тексты и исследования. М. : Наука, 1997. 303 с.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М. ; Кемерово : Кузбассвузиздат, 2008. 332 с.

Крадин Н. Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток : Дальнаука, 1992. 240 с.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М. ; Л. : Наука, 1951 447 с.

Леонтьев Н. В. О буддийских мотивах в средневековой тюркской Хакасии (по материалам коллекции Минусинского краеведческого музея) // Историко-культурные связи народов Южной Сибири. Абакан : Хак.НИИЯЛИ, 1988. С.184–196.

Масон В. М. Культурогенез древней Центральной Азии. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2006. 384 с.

Мелиоранский П. М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках // Журнал Министерства народного просвещения. 1898. Т. 6. С. 262–292.

Никитин А. Б. Христианство в Центральной Азии (древность и Средневековье) // Восточный Туркестан и Средняя Азия. М. : Наука, 1984. С. 121–137.

Позднеев Д. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899.

Поляков П. А. Ислам среди тюрков, монголов, индусов и китайцев // Известия ОАИЭ при императорском Казанском университете. Казань, 1895. Т. XII, вып. 6. С. 541–561.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника. М. : Наука, 1989. 749 с.

Рыбаков Н. И. Дополнительные материалы о религии кыргызов Енисея VIII–X вв. // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Вып. VIII. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 93–101.

Рыбаков Н. И. Дипломатические контакты карлуков Семиречья и кыргызов Енисея: начало IX в. // Народы и религии Евразии. 2017. № 1–2 (10–11). С. 56–66.

Суровцев М. Н. О владычестве киданей в Средней Азии: историко-политический обзор деятельности киданей от начальных известий о появлении народа и основания им династии Ляо до падения сей последней на Западе // История железной империи. Новосибирск : Наука, 2007. С. 195–310.

Таскин В. С. Введение // Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). М. : Наука, 1968. С. 3–33.

Хафизова К. Ш. Н. Я. Бичурин и его вклад в изучение истории народов Центральной Азии // Бичурин Н. Я. Собрание сведения о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Алматы, 1998. Т. I. С. V–XXV.

Храповицкий М. Д. Записки о народе Ляо // История железной империи. Новосибирск : Наука, 2007. С. 311–315.

Щербак А. М. Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. СПб. : Наука, 2001. 147 с.

Appelgren-Kivalo. Alt-Altische Kunstdenkmaeler. Helsingfors, 1931.

REFERENCES

Adrianov A. V. Dnevnik arkheologicheskikh issledovaniy 1915–1916 gg. v Uriankhaiskom krae (Tuva) [Diary of archaeological research in 1915–1916 Franciscom region (Tuva)]. Tomsk: Tomsk state University, 2008. 146 s. (in Russian).

Alymov S. S. Dmitrii Nikolaevich Anuchin: “estestvennaia istoriia cheloveka v obshirnom smysle etogo slova” [Dmitry Nikolayevich Anuchin: “The natural history of man in the broad sense of the word”]. *Vydaiushchiesia otechestvennyye etnologi i antropologi XX veka* [Outstanding Russian ethnologists and anthropologists of the XX century]. M.: Nauka, 2004. S. 7–4 (in Russian).

Bartol'd V. V. Raboty po istorii i filologii tiurkskikh i mongol'skikh narodov [Works on the history and Philology of Turkic and Mongolian peoples]. M.: Eastern literature, 2002. 757 s. (in Russian).

Bichurin N. Ia. (Iakinf). Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. M.; L.: Nauka, 1950a. T. I. 381 s. (in Russian).

Bichurin N. Ia. (Iakinf). Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena [Collection of information about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times]. M.; L.: Nauka, 1950b. T. II. 332 s. (in Russian).

Borisenko A. Iu., Khudiakov Iu. S. Manikheistvo v Vostochnom Turkestane v epokhu rannego Srednevekov'ia (po materialam issledovaniy A. fon Le Koka) [Manichaeism in East Turkestan in the early middle Ages (based on studies by A. von Le Coca)]. *Sibir' na perekrestke mirovykh religii* [Siberia at the crossroads of world religions]. Novosibirsk: Nauka, 2005. S. 120–124 (in Russian).

Vasiutin S. A., Dashkovskiy P. K. Sotsial'no-politicheskaia organizatsiia kochevnikov Tsentral'noi Azii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ia (otechestvennaia istoriografiia i sovremennyye kontseptsii) [Socio-political organization of the nomads of Central Asia in late antiquity and the early middle ages (Russian historiography and modern concept)]. Barnaul: Alt. UN-TA publishing House, 2009. 400 s. (in Russian).

Vostochnyi Turkestan v drevnosti i rannem srednevekov'e: Ocherki istorii [Eastern Turkestan in antiquity and the early middle ages: essays on the history]. M.: Nauka, 1988. 453 s. (in Russian).

Dluzhnevskaya G. V. Drevnosti vostochnoi chasti Evrazii v materialakh nauchnogo arkhiva Instituta istorii material'noi kul'tury RAN [Ancient Eastern Eurasia in scientific archive of Institute of history of material culture of RAS]. SPb.: IHMC, 2005. 140 s. (in Russian).

Duman L. I. O trude N. Ia. Bichurina “Sobranie svedenii o narodakh obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena” [Labour N. I. Bichurin’s “Collection of information about the peoples inhabiting Central Asia in ancient times”]. *N. Ia. Bichurin i ego vklad v russkoe vostokovedenie (K 200-letiiu so dnia rozhdeniia)* [N. Ya. Bichurin and his contribution to Russian Oriental studies (To the 200th anniversary of his birth)]. M.: Nauka, 1977. Ch. II. S. 3–23 (in Russian).

Zasedatelev N. I. Drevnii obychai koronovaniia u tiurkskikh narodov [The ancient custom of the coronation of the Turkic peoples]. *Izvestiia OAIE pri imperatorskom Kazanskom universitete* [Izvestiya OAIE at the Imperial Kazan University]. Kazan', 1895. T. XII. Vyp. 4. S. 374–380 (in Russian).

Katanov N. O pogrebal'nykh obriadakh u tiurkskikh plemen s drevneishikh vremen da nashikh dnei [On the funeral ceremonies of the Turkic tribes since ancient times as well]. *Izvestiia OAIE pri imperatorskom Kazanskom universitete* [Izvestiya OAIE at the Imperial Kazan University]. Kazan', 1895. T. XII. Vyp. 2. S. 109–142 (in Russian).

Kliashstornyi S. G. Predislovie [Preface]. *Bartold V. V. Raboty po istorii i filologii tiurkskikh i mongol'skikh narodov* [Bartold V. V. Works on the history and Philology of the Turkic and Mongolian peoples]. M.: Nauka, 2002. S. 5–18 (in Russian).

Kliashstornyi S. G. Istoriiia Tsentral'noi Azii i pamiatniki runicheskogo pis'ma [History of Central Asia and the monuments of the runic letters.]. SPb.: St. Petersburg state University, 2003. 560 s. (in Russian).

Kliashstornyi S. G. Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti i etnokul'turnaia istoriiia Tsentral'noi Azii [Ancient Turkic Monuments of written language and ethno-cultural history of Central Asia]. SPb.: St. Petersburg state University, 2006. 591 s. (in Russian).

Kormushin I. V. Tiurkskie eniseiskie epitafii: teksty i issledovaniia [Turkic the Yenisei epitaphs: texts and studies]. M.: Nauka, 1997. 303 s. (in Russian).

Koroľ G. G. Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii. Ocherki [Art of the medieval nomads of Eurasia]. M. — Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008. 332 s. (in Russian).

Kradin N. N. Kochevye obshchestva (problemy formatsionnoi kharakteristiki) [Nomadic societies (problems of the formation characteristics)]. Vladivostok: Dalnauka, 1992. 240 s. (in Russian).

Malov S. E. Pamiatniki drevnetiurkskoi pis'mennosti [Monuments of ancient türkic writing]. M.; L.: Nauka, 1951 447 s. (in Russian).

Leont'ev N. V. O buddiiskikh motivakh v srednevekovoii torevtike Khakasii (po materialam kolleksii Minusinskogo kraevedcheskogo muzeia) [About Buddhist motifs in medieval torevtics of Khakassia (on materials of the collection of Minusinsk regional Museum)]. *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov Iuzhnoi Sibiri* [Historical and cultural relations of the peoples of southern Siberia]. Abakan: HSIHLL, 1988. S. 184–196 (in Russian).

Mason V. M. Kul'turogenез drevnei Tsentral'noi Azii [The cultural Genesis of ancient Central Asia]. SPb: St. Petersburg state University, 2006. 384 s. (in Russian).

Melioranskii P. M. Ob orkhonskikh i eniseiskikh nadgrobykh pamiatnikakh [About Orkhon and Yenisei tombstones]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* [Journal of the Ministry of national education]. 1898. T. 6. S. 262–292 (in Russian).

Nikitin A. B. Khristianstvo v Tsentral'noi Azii (drevnost' i srednevekove) [Christianity in the Central Asia (antiquity and the middle ages)]. *Vostochnyi Turkestan i Sredniaia Aziia* [East Turkestan and Central Asia]. M.: Nauka, 1984. S. 121–137 (in Russian).

Pozdneeov D. Istoricheskii ocherk uigurov [Historical sketch of the Uyghurs]. SPb., 1899 (in Russian).

Poliakov P. A. Islam sredi tiurkov, mongolov, indusov i kitaitsev [Islam among Turks, Mongols, Indians and Chinese]. *Izvestiia OAIE pri imperatorskom Kazanskom universitete* [Izvestiya OAIE at the Imperial Kazan University]. Kazan', 1895. T. XII. V. 6. S. 541–561 (in Russian).

Radlov V. V. Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika [From Siberia: the diary pages]. M.: Nauka, 1989. 749 s. (in Russian).

Rybakov N. I. Dopolnitel'nye materialy o religii kyrgyzov Eniseia VIII–X vv. [Additional materials about religion of the Kyrgyz of the Yenisei VIII–X centuries]. *Mirovozzrenie naseleniia Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul: Alt. un-ta publishing House, 2015. V. VIII. S. 93–101 (in Russian).

Rybakov N. I. Diplomaticheskie kontakty karlukov Semirech'ia i kyrgyzov Eniseia: nachalo IX v. [Diplomatic contacts of the Karluks to the Zhetysu and the Kyrgyz of the Yenisei: the beginning of the ninth century]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2017. № 1–2 (10–11). S. 56–66 (in Russian).

Surovtsev M. N. O vladychestve kidanei v Srednei Azii: istoriko-politicheskii obzor deiatel'nosti kidanei ot nachal'nykh izvestii o poiavlenii naroda i osnovaniia im dinastii Liao do padeniia sei poslednei na Zapade [About the rule of the Khitan in Central Asia: historical and political overview of the activities of the Khitan from the initial news of the appearance of the people and the founding of their Liao dynasty until the fall of this last in the West]. *Istoriia zheleznoi imperii* [History of the iron Empire]. Novosibirsk: Nauka, 2007. S. 195–310 (in Russian).

Taskin V. S. Vvedenie [Introduction]. *Materialy po istorii siunnu (po kitaiskim istochnikam)* [Materials on the history of Xiongnu (according to Chinese sources)]. M.: Nauka, 1968. S. 3–33 (in Russian).

Khafizova K. Sh. N. Ia. Bichurin i ego vklad v izuchenie istorii narodov Tsentral'noi Azii [Bichurin and his contribution to the study of the history of the peoples of Central Asia]. *Bichurin N. Ia. Sobranie svedeniia o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii, v drevnie vremena* [Bichurin N. Ya. Collection of information about the peoples who lived in Central Asia in ancient times]. Almaty, 1998. T. I. S. V–XXV (in Russian).

Khrapovitskii M. D. Zapiski o narode Liao [Notes on the people Liao // History of the iron Empire]. *Istoriia zheleznoi imperii* [History of the iron Empire]. Novosibirsk: Nauka, 2007. S. 311–315 (in Russian).

Shcherbak A. M. Tiurkskaia runika. Proiskhozhdenie drevneishei pis'mennosti tiurok, granitsy ee rasprostraneniia i osobennosti ispol'zovaniia [Turkic runes. The origin of ancient writing of the Turks, the boundaries of its distribution and usage]. SPb.: Nauka, 2001. 147 s. (in Russian).

Appelgren-Kivalo. Alt-Altische Kunstdenkmaeler [Alt-Altische Kunstdenkmaeler]. Helsingfors, 1931 (in German)

Цитирование статьи:

Дашковский П. К. Кочевые народы Центральной Азии эпохи Средневековья в исторических исследованиях российских ученых второй половины XIX — начала XX в. // *Народы и религии Евразии*. 2020. № 4 (25). С. 34–49.

Citation:

Dashkovskiy P. K. The nomadic nations of Central Asia of the Middle ages in historical research of russian scientists of the second half of XIX — early XX century archeology and ethno-kultural history. *Nations and religions of Eurasia*. 2020. № 4 (25). P. 34–49.
